

КТО БЫ мог предполагать, что мне, «простой советской школьнице», доведется выступать вместе с легендарным Российским симфоническим оркестром Плетнева! Дело в том, что я пою в Большом детском хоре В. Попова. Но приключения, связанные с оркестром Плетнева, начались не с этого...

Когда 9 мая почти весь советский народ гулял на Красной площади, плетневский оркестр играл в Большом зале Консерватории Первый концерт Чайковского. Интеллигентный народ уже соскучился по родному Первому концерту, тем более что солировал в тот день Борис Березовский. Мы с подругами решили, что треснем, но попадем на этот концерт. Входных, понятно, не было. Лишние билетки спрашивали за час до начала аж от Манежной. Мы пошли через служебный, надеясь через какую-нибудь дыру пролезть в зал. Версии для строгих старушек, которые могли застучать нас внутри: 1) мы — студенты Детской музыкальной академии и пишем зачетную работу про Плетнева, 2) мы из гимназии, где проходим сейчас этот концерт, 3) был даже такой убойный вариант на крайний случай: специально на один день приехали в Москву корреспондентки «Нью-Йорк Таймс» брать интервью у мистера Березовского (я была бы переводчи-ком).

Получилось все очень неожиданно. Когда мы оказались на служебной лестнице, где нервно курили оркестранты, какой-то веселый валторнист, держа в одной руке свой инструмент, другой отдал нам честь: «С праздником, девчонки!» — «И Вас также! И ни пуха Вам... Такой концерт шикарней!» — «А вы что же, без билетов?» — подозрительно прищурился валторнист и заговорщицки посоветовал: «А вы пройдите через сцену, только осторожно...».

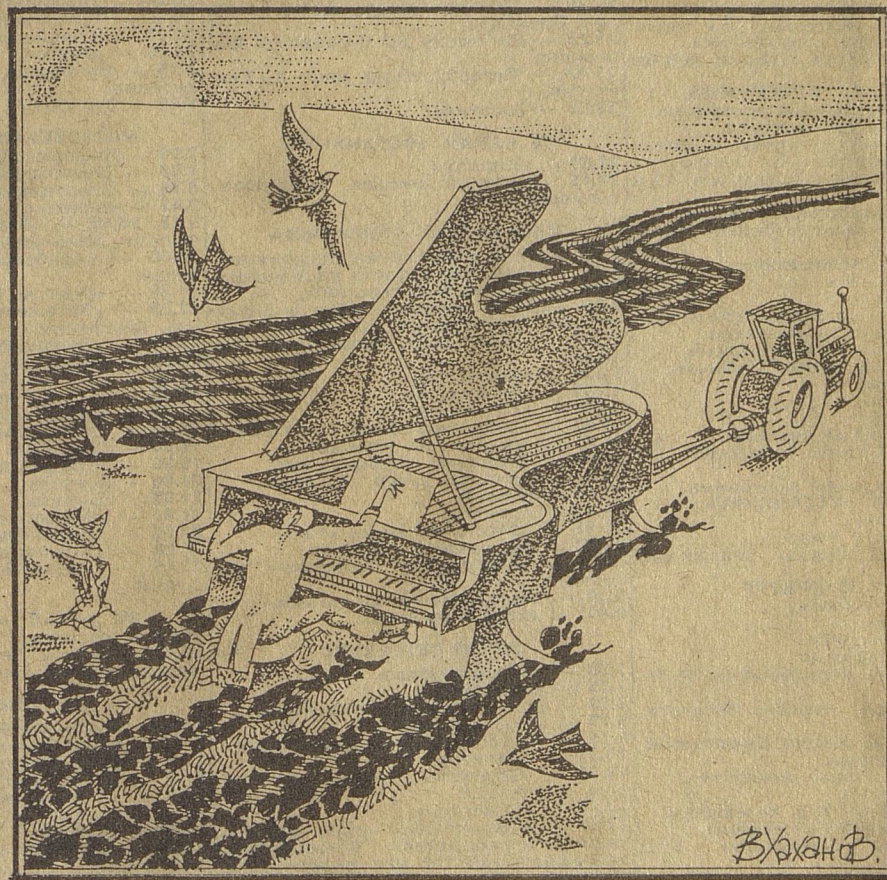
И вот мы, миновав самого строгого и самого известного конферансье Анну Чехову, нахально проходим по узенькому коридорчику за органом, где уже стоят оркестранты, готовые выйти на сцену (на часах — без трех сема!). Кто-то крикнул: «А ну-ка смири! Животы подтянуть! Пропустим девчонки!». Веселые понимающие люди. Скромно потупив глаза, мы через сцену спустились в зал. Публика, наверное, решила, что мы дети ректора Консерватории, и не отреагировала... После концерта зал стонал и аплодировал.

Но для меня весь праздник был впереди — мы в хоре уже начали учить оду «К радости», чтобы исполнять ее вместе с мужским хором и хором мальчиков В. Попова в финале 9-й симфонии Бетховена, которую будет играть оркестр Плетнева! До сих пор я знала ее только по обработке Джеймса Ласта, в оригинале же она оказалась совсем другой...

Мы не то чтобы учили оду «К радости» — мы зубрили ее, отравывали каждую ноту, каждый нюанс. Впервые финал симфонии должны были исполнять дети, и

● ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Москва, юбилейная. — 1992. — Число 1. Три вздоха после оды «К радости»

никто не знал, как все получится. В таком концерте мы участвовали первый раз и поэтому ужасно боялись Плетнева. Когда он первый раз пришел слушать хор, нервничали все — от семилетних хористов до самого Попова. Михаил Васильевич в полном молчании, спокойствии и, казалось, равнодушии выслушал оду, а когда после последнего аккорда Попов в грубой тишине повернулся к нему, Плетнев молча подошел, пожал ему руку и вышел вместе с ним. Все зашумели: «Что он ему сказал? Какое у него было лицо? Улыбался?». Мы боялись, что провалили все на свете и Попов нас сейчас убьет. Но позже мне объяснили, что Плетнев всегда такой невозмутимый, немногословный.

Начались репетиции на сцене с оркестром — значит, все не так плохо. Репетировали быстро. Плетнев говорил мало, не ругался, не кричал, сделал всего несколько мелких и очень точных замечаний.

НА ОДНОЙ из репетиций я вдруг столкнулась с валторнистом. Он узнал меня. «Так вы из хора? Вы так классно, профессионально поете. Молодцы!» — обрадованно заговорил он. Я ответила: «А оркестр еще лучше играет. Только, пожалуйста, не распадайтесь и не уезжайте!» — «Да вроде не собираемся...».

Наконец 21 мая. Симфония идет часа полтора без перерыва. На финал мы вышли ужасно гордые и счастливые. Со сце-

ны было видно, что люди в зале сидели на ступеньках и стояли в проходах весь концерт. На сцене была такая же теснота, еще бы — огромный оркестр и человек 200 хора! Я стояла в первом ряду, справа передо мной сидел тромбонист, и весь финал мне приходилось узорачиваться от тромбона, без конца тыкавшегося в мою раскрытую партиту. А слева находились ударные, а финал — о горе! — такой громкий и мощный, тарелки и барабаны ударяют каждый такт так, что себя саму не слышно. Но ради Плетнева вытерпишь все! Он и на концерте был очень сдержан, руками зря не размахивал, яростно не жестикулировал, безумных глаз не таращил. Он лишь едва заметно двигал рукой с палочкой — ритм держал. Ведь усиленным маханием рук и ног темп не ускоришь, звук не усилишь, качество не улучшишь. От Плетнева передается всем участникам спокойствие и уверенность. И вдруг начинаешь на сцене ловить кайф. Да-да, кайфуют не только зрители, но и сами исполнители! Во время финала, очень трудного, на сцене царил полное блаженство. А когда симфония кончилась, публика хлопала и орала минут двадцать, вызывая много раз Плетнева и Попова. Редко так бывает, когда счастливы все (недаром ода называется «К радости»...).

После концерта я сразу побежала с цветами в артистическую Плетнева. У двери стояла большая толпа, окружая очень симпатичную и счастливую маму дирижера. Дверь открылась — и все кинулись его поздравлять. Когда подошла моя очередь, мне стало страшно. Я пробормотала что-то вроде: «Большое спасибо! Вы — гений! Какое счастье...» и т. п. Плетнев выслушал все молча и устало, словно заранее зная все, что я ему скажу. Он что-то ответил мне, но так тихо, что я разобрала лишь три тяжких вздоха и слово «работать» в конце. Вблизи он еще грустнее, чем на сцене. Он оставил мне автограф прямо на моей хоровой партии и обреченно взглянул на следующего жаждущего высказать ему свои поздравления и восхищения...

Потом мы с друзьями долго ждали на улице около служебного входа и, когда Плетнев вышел и стал садиться в машину, прокричали: «Плетневу браво!». А он стоял, опершись на дверцу машины, и улыбался. Я в первый раз видела его таким счастливым и улыбающимся...

На следующий день я спросила у В. Попова: «Ну что Плетнев? Доволен?». Тот ответил: «Очень. Все прекрасно. Он даже не ожидал такого». — «А мы будем еще петь 9-ю симфонию? А то так хочется...» — «Нет-нет!» — в ужасе замахал руками Виктор Сергеевич. Видно, уж больно тяжело досталась Плетневу и Попову эта оптимистическая ода «К радости»...

Мария ФИЛИППЕНКО.